

Когда наступил день визита в семью Кан Чжэ, Тан Юйхуэй понял: хотя все дни в Кандине были лёгкими и приятными, этот день был самым долгожданным. Он почти не спал, испытывая необъяснимое волнение, ворочаясь с боку на бок, и нервничал больше, чем перед защитой диплома. Поэтому на следующее утро, когда Кан Чжэ, зевая, вышел с заднего двора, он сразу увидел Тан Юйхуэя. Тот встал слишком рано и теперь сидел на корточках у ворот, уставившись в небо, как никому не нужный хранитель дверей.

Кан Чжэ всё ещё клевал носом, но при виде Тан Юйхуэя сосредоточился и глянул с обычной холодностью, которой сам за собой не замечал. Он хотел что-то сказать, но Тан Юйхуэй вскочил и, опираясь на ворота, заглянул во двор:

— Только встал? Не хотел тебя будить. У вас такой большой задний двор! Где ты живёшь?

Кан Чжэ уже на середине захотел прервать этот поток вопросов и потрепать Тан Юйхуэя по голове, чтобы тот не глазел по сторонам, но рука замерла на полпути. Вспомнив, что сегодня они вместе идут к его родителям, он решил не церемониться. К счастью, нелюбезное замечание так и не сорвалось с его губ. Утро в степи было тёплым, и он, следуя настрою природы, смягчился.

Собрав остатки терпения, Кан Чжэ повёл Тан Юйхуэя по тропинке к своему дому. К удивлению Тан Юйхуэя, перед домом Кан Чжэ росло огромное персиковое дерево, которое казалось здесь совершенно неуместным. Возможно, из-за высокогорного климата цветы, которые давно должны были отцвести ещё не опали полностью. Пара бело-розовых цветов, как стрелы на излёте, цеплялись за ярко-зелёную листву, упрямо протягивая хозяину последние крохи весны.

— Ты, оказывается, выращиваешь персики, — сказал Тан Юйхуэй.

— Почему бы мне их не выращивать? — бесстрастно ответил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй, конечно, не стал отвечать на эту провокацию. Кан Чжэ взглянул на него и небрежно сказал:

— Если бы ты приехал на две недели раньше, увидел бы как они цветут. Со двора, ты бы мог видеть, как ветви в розовых цветах выглядывают из-за стены. — Тут Кан Чжэ сделал паузу, а затем повысил голос, чтобы подчеркнуть важность слов: — Но во внутренний двор гостям обычно заходить нельзя. В разгар сезона в этом домике живут мои родители и наёмные работники, так что заглянуть сюда было бы неудобно. Сейчас людей мало, можешь зайти. В остальное время, если захочешь меня найти — звони.

— Понял.

Тан Юйхуэй мысленно перевёл: «Частная территория, посторонним вход воспрещён. Не беспокоить по пустякам. По важным вопросам — возможно, впуссу. По мелочам — отправлять письма в бутылке». Он кивнул Кан Чжэ, и его радостное настроение ничуть не угасло от этой

легкой холодности. Тан Юйхуэй давно понял, что Кан Чжэ всегда такой, и привык не ожидать большего. Даже сдержанные фразы казались проявлением заботы со стороны Кан Чжэ. «Неужели у меня склонность к мазохизму?» Но, несмотря ни на что, он, честно следуя своим желаниям, взволнованно схватил Кан Чжэ за рукав:

— Ясно. Пойдём уже?

Кан Чжэ кивнул и по дороге стал рассказывать, как вести себя в гостях у тибетцев, отчего Тан Юйхуэй всё больше нервничал. Видя, что он напряжён, словно перед битвой, Кан Чжэ улыбнулся и, подливая масла в огонь, пожелал ему хорошо провести время. Когда Тан Юйхуэй с душой, полной сомнений, добрался до ворот и пришёл в себя, он обнаружил, что рукав Кан Чжэ, который он всё это время тревожно сжимал, давно выскользнул из его пальцев.

Они позавтракали в городе, и Кан Чжэ повёл Тан Юйхуэя на утренний рынок. Рынком это можно было назвать лишь условно. На небольшом участке улицы местные тибетцы продавали овощи, мясо, яйца и живую птицу. Кан Чжэ объяснил, что в этих краях жители сами обеспечивают себя продуктами и редко что-то покупают, так как почти в каждом доме есть огород или овцы и коровы. Но где есть люди, там будет и базар.

Тан Юйхуэй с любопытством следовал за Кан Чжэ. Туристов здесь почти не было, и он с интересом и завистью наблюдал, как Кан Чжэ улыбается и разговаривает с продавцами, жалея, что он не понимает ни слова. Тан Юйхуэй рассеянно подумал, что уйгурская письменность очень похожа на арабскую, а тибетская — на санскрит, и задался вопросом, сложно ли их выучить.

В итоге Кан Чжэ купил несколько коробок яиц, большой пакет фруктов и две бутылки крепкого на вид ячменного вина, которого Тан Юйхуэй раньше не видел. Затем Кан Чжэ посадил Тан Юйхуэя на мотоцикл, и они отправились к его родителям. Дом Кан Чжэ находился недалеко от городка Синьдуцяо, и через двадцать минут они уже были на месте. Как и большинство тибетских домов, это было двухэтажное кирпичное здание с просторным двором. К удивлению Тан Юйхуэя, здесь, как и в гостинице, был большой задний двор, где за оградой бродили несколько коз, а сбоку находилась конюшня.

Кан Чжэ припарковал мотоцикл, пригласил Тан Юйхуэя в дом, а сам пошёл на конюшню. Казалось, он приехал не столько к родителям, сколько поведать своих питомцев. Тан Юйхуэй увидел, как он нежно погладил по голове рыжую лошадку и загнал обратно во двор убежавшую козу. Родители Кан Чжэ были в доме и, вероятно, ещё не заметили их приезда. Тан Юйхуэй, конечно, постеснялся зайти сам и остался ждать Кан Чжэ во дворе. Солнце ласково грело, и Тан Юйхуэй, стоя под голубым небом, впервые захотел достать телефон и сделать фото.

Домá в Гардзе строили из серого кирпича. Из-за разреженной застройки они на фоне бескрайнего неба казались выше, чем на самом деле. Множество окон с резными наличниками придавали постройкам грубоватый, но живописный вид.

Кан Чжэ, завершив обход своих владений, наконец вернулся и спросил Тан Юйхуэя:

— Почему не заходишь?

— Жду тебя, — покладисто и честно ответил Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ взглянул на экран его телефона — так вышло, что окно его комнаты случайно оказалось в кадре на фоне облаков. Он равнодушно пролистал фото и сказал Тан Юйхуэю:

— Пойдём. Они тебя ждут.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130171>